

С.И. Кормилов

«Есть речи...»

<...>

Гражданская позиция поэта в зрелом творчестве Лермонтова отчетливее всего заявлена в стихотворении 1838 года «Поэт». Оно едино по содержанию, но по непосредственному смыслу двучастно. В шести строфах автор рассказывает «биографию» своего кинжала и в пяти говорит о роли поэта «в наш век изнеженный». В отличие от будущих «Туч» здесь проводится не противопоставление, а сопоставление, хотя соотносятся тоже весьма различные образы. Развернутые сравнения в лирике Лермонтова встречаются часто, но это — особое.

Описание кинжала имеет и самостоятельное значение. Лермонтов сочетает романтически возвышенный тон («Клинок надежный, без порока; / Булат его хранит таинственный закал...») и бытовые реалистические детали («Он взят за Теремом отважным казаком / На хладном трупе господина / И долго он лежал заброшенный потом / В походной лавке армянина»; собственно, и «таинственный закал» не содержит никакой мистики, просто констатируется, что секрет изготовления булата не раскрыт). Благодаря этому и сопоставленности с содержанием целого образ кинжала — не однозначная аллегория, а емкий символ. Кинжал, подобно природным явлениям в других стихотворениях, антропоморфизирован, в какой-то мере олицетворен: «Наезднику в горах служил он много лет, / Не зная платы за услугу», «Забавы он делил послушнее раба», «родных ножен, избитых на войне, / Лишен героя спутник бедный...» Но, превратившись в «игрушку золотую» на стене, кинжал утрачивает «человеческие» качества. Парадокс в том, что он всегда обнажен, но никогда не употребляется в дело. Он теперь «бесславный и безвредный» — определения в данном случае одного порядка, предваряемые в тексте скорбным «Увы». Последний намек в этой части стихотворения на «человеческие» качества кинжала — слова о том, что никто его «не ласкает», но вот именно что «не»: «ласкает» приравнено к заурядному «чистит», собственно, «не чистит», об этом напомним в самом конце стихотворения метафора «клинок, / Покрытый ржавчиной презренья».

Затянувшееся «введение» в тему поэт фактически с самого начала ее разрабатывает. На это указывают заглавие и прямо заявленное в седьмой строфе сравнение — «не так ли ты, поэт...» Переключка есть и между «игрушкой золотой» и тем «златом», на которое поэт променял былую власть над душами людей — «света», внимавшего ему (конечно, поэту, а не «власти», тут очередная лермонтовская неточность) «в немом благоговенье». То, что он «воспламенял бойца для битвы», находит соответствие в строках о кинжале; параллели установлены и для других образных обозначений былой роли поэта: там упоминались «забавы», здесь — «чаша для пиров», там — надпись на кинжале, которую теперь, «молясь перед зарей, / Никто с усердьем не читает», здесь — «фимиам в часы молитвы». Дважды упоминается «толпа», бранное для Пушкина и Лермонтова слово, но облагороженное по отношению к славному прошлому. Образ «колокола на башне вечевой» продолжает «новгородскую» тему, важную для предыдущей гражданской поэзии, в том числе для раннего Лермонтова. В данном случае это автоцитата из чернового наброска 1832 года (когда Лермонтов по пути из Москвы в Петербург посетил Новгород) «Приветствую тебя, воинственных славян...» Противопоставление прошлого и современности — то же, что в «Бородине» или в «Песне про... купца Калашникова». Отношение современников к «простому и гордому» языку поэта — такое же, как в «Думе», он им «скучен», они предпочитают «блѣстки и обманы», их мир — «ветхий» и прячущий «морщины... под румяны». Но, в отличие от «Думы», в «Поэте» «больше выражено

чувства презрения, чем негодования», и не только к ничтожной массе. Гордым язык поэта был в прошлом. Теперь поэт — «осмеянный пророк», и неизвестно, «проснется ли» он. Последняя строфа, возвращая образность первой части стихотворения, несколько деформирует ее. Прежде сам кинжал, лишенный ножен, был «игрушкой золотой», и поэт сопоставлялся непосредственно с кинжалом; теперь ставится вопрос о том, вырвет ли «осмеянный пророк» свой клинок «из золотых ножен» (параллель в первой части: «Звенел в ответ речам обидным»), кинжал становится символом не поэта, а его оружия — поэзии, «железного стиха» из «Думы», которая вскоре будет написана. «Золотые ножны» соответствуют началу второй части стихотворения («на злато променяв...»). В них кинжал и заржавел от презрения к нему, от пренебрежения им.

«Поэт» Лермонтова продолжил традицию декабристской гражданственности и открыл тему поэта и поэзии в том виде, в каком ее развивали последующие русские художники слова. Некий «голос мщенья», который в этом стихотворении может разбудить поэта, напоминает о многих произведениях Лермонтова, посвященных мщенью и вместе с тем предваряет совершенно особенное по проблематике стихотворение о роли слова в жизни — «Есть речи — значенье...» (1839), как «осмеянный пророк» предваряет лермонтовского «Пророка» (1841).

<...>